

И.Н. Божерянов

**Иллюстрированная история русского театра
XIX века**

Том 2. Выпуск 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 792
ББК 85.33
И11

И11 **И.Н. Божерянов**
Иллюстрированная история русского театра XIX века: Том 2. Выпуск 4 / И.Н. Божерянов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 63 с.

ISBN 978-5-458-55717-7

ISBN 978-5-458-55717-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Я видѣлъ, и позналъ ее въ Моинѣ страстной
Средь сонма древнихъ бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
Ея взоръ пламенный, всегда съ душой согласный,
Я видѣлъ—и позналъ небесныя черты

Богини красоты.

О, дарованіе одно другимъ вѣнчаю!
Я видѣлъ Ксенію стенищу предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ кпичной,
Боренье всѣхъ страстей въ ней къ ужасу слипно.
Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотою

И счастливъ сей мечтой!

Я видѣлъ—и хвалить не смѣлъ въ восторгѣ страстномъ,
Но послѣ, истиной священной вдохновенъ,
Скажу, красотъ соборъ въ ней ясно соединенъ!
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты».

Въ этихъ прекрасныхъ стихахъ Батюшкова не было выраженія его личныхъ впечатлѣній; въ нихъ отразилось господствовавшее тогда общее мнѣніе. «Семенова—красавица, писалъ въ своемъ дневникѣ Жихаревъ, Семенова—драгоценная жемчужина нашего театра. Семенова имѣетъ все, чтобы сдѣлаться одной изъ величайшихъ актрисъ своего времени; но исполнить ли она свое предназначеніе? Сохранить ли она ту постоянную любовь къ искусству, которая заставляетъ избранныхъ пренебрегать выгодами спокойной и роскошной жизни, чтобы предаться необходимымъ трудамъ для пріобрѣтенія нужныхъ познаній? Не слишкомъ ли рано нарядилась она въ бархатные капоты, облеклась въ турецкія шали и украсилась разными дорогими погремушками? Сколько я отъ всѣхъ слышу, да и самъ частью испыталъ на репетиціи Дмитрія Донского, когда она меня такъ грубо отпечивала своимъ высокомернымъ «чего-съ»,—въ ней недостаетъ образованности, простоты сердца и той душевной теплоты, которую французы разумѣютъ подъ словомъ *aménité*». Дѣйствительно этимъ опасеніемъ суждено было оправдаться. Дивный талантъ Семеновой не только не развился съ теченіемъ времени, но все болѣе и болѣе ослабѣвалъ.

Послѣ успѣха въ «*Танкредъ*», данномъ въ бенефисъ Семеновой, 7-го февраля 1812 г., когда артисткѣ была поднесена публикою брилліантовая діадема, а поэтъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій написалъ экспромтъ:

«Не сомнѣвайся въ томъ—предстали бы толпою,
Семенова! защитники твои,
Когда бы критикой завистною и злою
Твои ирачилися талантомъ славны дни....
Аменаиду намъ яви собой на сценѣ,
Органа сладостью, плѣнительной игрой,

И чувствомъ движима, лица ты красотой,
О! музъ питомица, любезна Мельпоменѣ,
Всѣхъ привела въ восторгъ. Твоихъ страшася бѣдъ,
Всякъ чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ.»

Выдающійся успѣхъ этотъ заставилъ Семенову покончить съ своимъ руководителемъ кн. Шаховскимъ и, по выраженію актера Яковлева, «поступить на выправку» къ Н. И. Гнѣдичу, которому суждено было стать новымъ наставителемъ Семеновой. По словамъ біографа Гнѣдича: «Семенова составляла въ одно и то же время и муку и счастье его жизни». Онъ любилъ ее и какъ женщину, и какъ актрису. Не имѣя возможности осуществить свои мечты о семейной жизни съ Семеновой, Гнѣдичъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что на его долю выпала завидная участь руководить этимъ первокласснымъ дарованіемъ, и онъ съ энергіей и пыломъ отдался своему новому дѣлу. Гнѣдичъ училъ ее и голосу, и нельзя лучше охарактеризовать его методу преподаванія, чѣмъ это сдѣлалъ одинъ изъ его близкихъ друзей академикъ М. Е. Лобановъ: *«Кто не знаетъ, любезнѣйшій другъ,—писалъ онъ къ Гнѣдичу,—что Семенова славна только вами, что она тогда только восхищала насъ и была истинно неподражаема и высока, когда въ ней сидѣли вы, но не стало идеала—и мы не слышимъ умнаго жреца».*

Подтвержденіемъ справедливости этихъ словъ могутъ служить слова самой Семеновой, которая, въ началѣ 1826 г., при постановкѣ трагедіи «*Андромаха*», на запросъ изложить свое мнѣніе письменно, касательно постановки сказанной трагедіи, отвѣтила:

«Какъ и прежде я объясняла, нужно, какъ средство, одно лицо, и штатомъ положенное и при способностяхъ, которое своимъ совѣтомъ можетъ доставить общему ходу представленій тотъ видъ и успѣхъ, коего имѣетъ право ожидать зритель и котораго желаютъ достигнуть почтенныя особы, управляющіе театромъ. Если-бы на нашемъ театрѣ находился всегда надлежащій членъ репертуарной части, то приготовленіе пьесы «*Андромаха*» было бы выполнено, и я, и всѣ мы со всею готовностью употребили бы свое знаніе въ игрѣ и сценѣ на способствованіе совѣтами своимъ труду избраннаго члена. Заботы такого человѣка объ общемъ успѣхѣ всей трагедіи, начиная отъ положеній сцены, даже до малѣйшихъ подробностей, съ представленіемъ сопряженныхъ, дали бы каждому изъ главныхъ лицъ и время ему нужное, и то спокойствіе, которымъ каждый актеръ долженъ быть обезпеченъ, дабы, занимаясь только собственнымъ дѣломъ, могъ онъ остаться увѣреннымъ, что успѣхъ его игры будетъ поддержанъ и успѣхомъ всей пьесы. Если бы трагедія «*Андромаха*», или иная пьеса, вновь готовящаяся къ представленію, и потребовала отъ такого члена репертуарной части большого умѣнья и труда, и многихъ совѣтовъ, то сей трудъ принесъ бы пользу прочную, ибо совѣты наши обратились-бы къ лицу, понимающему ихъ, коему не понадобилось бы возобновлять ихъ при всякой новой пьесѣ. Теперь-же употребляемъ время и тяжелыя старанія понапрасно, послѣ чего почтенный комитетъ, отзывающійся обо мнѣ столь лестно, конечно, уважитъ причины, побуждающія меня не принимать на себя трудъ совѣтывать и указывать—трудъ, который послѣ продолжительной службы—сдѣлался для меня столь тягостнымъ, что почти мнѣ невозможно, и превосходитъ мои силы. Безъ сего-же труда и безъ доставленія

трагедіи «*Андромаха*» *) должной обстановки, я, какъ прежде объясняла, такъ и теперь считаю долгомъ повторить, не предвижу сѣ надлежащаго успѣха. Къ сему присовокупляю, что всѣ мѣста данной мнѣ роли, могуція тронуть зрителя, заключаются въ сценѣ съ Астіанаксомъ, котораго нѣтъ, а потому почтенный комитетъ, принявъ въ разсужденіе долголѣтнюю репутацію, коею я имѣла счастье пользоваться отъ публики, конечно, простить мнѣ, что, желая ее сохранить, я прошу о передачѣ роли моей другой актрисѣ, и остаюсь въ увѣреніи, что послѣдствія оправдаютъ вполне поданное мною въ дирекцію театра мнѣніе».

Благодаря методѣ Шаховскаго и Гнѣдича, благодаря вліянію трескучей декламации самого Гнѣдича, развитіе таланта Семеновой, и раньше находившее помѣху въ преподаваніи Шаховскаго, было окончательно задержано. Уже послѣ втораго представленія Аменаиды, знаменитый Шушеринъ, передавая свои впечатлѣнія своему молодому другу, Аксакову, сказалъ о Семеновой: «Дѣло конечно—она погибла безвозвратно, т. е. Семенова дальше не пойдеть. Она не получила никакого образованія и не такъ умна, чтобы могла сама выбиться на прямую дорогу. Да и зачѣмъ, когда всѣ восхищаются, всѣ въ восторгѣ? А что могло бы выйти изъ нея!.. И Шушеринъ, замѣчаетъ Аксаковъ, былъ совершенно правъ».

Къ концу десятихъ годовъ обозначалась перемѣна въ текущемъ репертуарѣ. Классическая трагедія, въ которой первенствовала Семенова, стала отступать на второй планъ и впередъ выдвигалась романтическая драма, и къ 1819 г. уже ясно было видно ея побѣда надъ прежнимъ направлениемъ. Новое литературное теченіе вызвало на дѣло и новое артистическое поколѣніе; подъ вліяніемъ романтической драмы сформировались таланты молодыхъ артистовъ, и въ концѣ 1818 г., какъ помнитъ читатель, явилась на русской сценѣ Александра Михайловна Колосова, вышедшая потомъ замужъ за В. А. Каратыгина.

Семенова встревожилась сѣ успѣхомъ и пустила въ ходъ все свое вліяніе, чтобы выразить свое неудовольствіе по поводу пріема Колосовой на сцену. Къ счастію въ то время въ Петербургѣ жила вдова князя Смоленскаго, кн. Ек. Ильин. Голенищева-Кутузова-Смоленская. Любя всею душою искусство и восхищаясь талантомъ Семеновой, она съ прискорбіемъ смотрѣла на закулисныя интриги, которыя послѣдняя затѣвала изъ мелкаго—эгоистическаго чувства. Княгиня уговорила Семенову сыграть съ Колосовой вмѣстѣ въ переводной трагедіи Лобанова «*Ифигенія въ Авлидѣ*». Пока была жива княгиня Смоленская все шло хорошо, но со времени ея смерти († 23 іюня 1824 г.) Семенова снова обрушилась на Колосову, которая подала жалобу на притѣсненія, слѣдствіемъ чего, какъ подробно разсказано въ біографіи Алекс. Мих. Каратыгиной, было увольненіе ея отъ службы. Современникъ этой исторіи В. А. Каратыгинъ, описывая это

*) Переводъ «*Андромахи*», сдѣланный гр. Хвостовымъ стихами, изобиловалъ курьезами, наприимѣръ:

„Гдѣ я? Что дѣлаю? Что дѣлать останется?

Почто сей жаръ въ груди? Почто такъ сердце рвется?

Я по чертогамъ сижу, скитаючись, бѣгу,

Люблю яль злобствую, сама знать не могу“.

Мнѣніе Семеновой, написанное, разумѣется, Гнѣдичемъ, имѣло своимъ результатомъ назначеніе особыхъ инспекторовъ во всѣ труппы Императорскихъ театровъ. Въ петербургскую драматическую труппу былъ тогда же назначенъ Зотовъ.

событіе въ письмѣ къ Катенину, говорилъ: «Вотъ бабья дружба! Семенова со смерти миротворицы Кутузовой и рветъ и мечетъ на Колосовыхъ; ругаетъ ихъ не на животь, а на смерть—этого должно было ждать»...

До какихъ мелочей доходила зависть Семеновой, можетъ служить примѣромъ слѣдующій случай: кн. Шаховской выхлопоталъ постановленіе о томъ, чтобы наканунѣ спектакля на афишѣ не выставлать именъ участвующихъ въ немъ артистовъ, но когда Колосова, въ 1825 г., снова вернулась на сцену, то ради дебютантки было сдѣлано исключеніе. Семенова пришла по этому поводу въ негодованіе и объявила, что она не выйдетъ на сцену, если ея имя наканунѣ не будетъ выставлено на афишѣ. Желаніе ея было исполнено и комитетъ, 27-го ноября 1825 г., опредѣлилъ: «объ участіяхъ актрисы Семеновой возвѣщать въ афишахъ особо». Въ послѣдній разъ простилась съ публикой Семенова *) въ роли Ольги, въ трагедіи Крюковского *«Пожарскій»*, которою открылись театры въ С.-Петербургѣ въ концѣ августа 1826 г., по полученіи изъ Москвы извѣстія о коронаціи. Для постановки этой пьесы составленъ былъ особый комитетъ, которому поручено было составить программу большого, съ хорами, дивертиссента, подъ названіемъ *«Возвращеніе князя Пожарскаго въ свое Нурицкое помѣстье»*, назначеннаго въ добавленіе къ трагедіи. Комитетъ составилъ программу, которую препроводилъ къ танцовщикамъ Дидло и Огюсту для сочиненія приличныхъ танцевъ; но относительно стиховъ, которыми долженъ былъ законченъ дивертиссментъ, комитетъ, не имѣя таковыхъ, былъ поставленъ въ большое затрудненіе. Однако, 21-го іюля, дирекція увѣдомила контору театровъ, что «сочиненіе стиховъ директоръ принялъ на себя». Директоромъ тогда былъ ст. сов. Остолоповъ, замѣчательный тѣмъ, что на него, начиная съ 18 іюля 1826 г., стали поступать въ дирекцію взысканія, доходившія въ общемъ итогѣ до 119.457 руб. 68 коп. Вѣроятно этотъ долгъ и былъ главною причиною непродолжительности пребыванія Остолопова въ должности директора театровъ, но написанные имъ куплеты пѣлъ теноръ Самойловъ.

«Вѣсть радостная, вѣсть священна
Съ береговъ Москвы греми молвой:
Свершилась благодать небесна
Надъ юною Царя главой!»

Съ вступленіемъ на престолъ Императора Николая I начались строгости по военной части, такъ какъ распущенность даже среди гвардейскихъ офицеровъ была большая. Вспоминая эпоху Александра I, Николай Павловичъ писалъ: «Было время (повѣрить-ли кто сему!), что офицеры ѣзжали на ученіе во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную шляпу».

Строгость коснулась и артистовъ. Такъ, 8 сентября 1826 г., былъ данъ большой маскарадъ съ концертомъ, живыми картинами, балетомъ, спектаклемъ въ

*) Семенова въ февралѣ 1827 г. переселилась въ Москву съ кн. Ив. Алексѣев. Гагаринымъ, съ которымъ, послѣ 15-лѣтняго сожителства, въ маѣ 1828 г., сочеталась бракомъ въ церкви, что къ Лужникахъ, близъ Дѣвичьяго поля. Родители Семеновой были крѣпостные люди помѣщика Путаты, который подарилъ ихъ учителю кадетскаго корпуса на воспитаніе сына. Отца звали Семеновъ, а мать Дарьей; послѣдняя была подарена еще дѣвучиною, но когда забеременѣла отъ своего барина, ее выдали замужъ за Семева, и отъ этого брака родилась 7-го ноября 1786 г. знаменитая артистка.

фойе и тому подобными развлеченіями, въ число которыхъ входила и постановка группы: «*Аполлонъ съ девятью музами*». Этотъ маскарадъ (*monstre*) ознаменованъ былъ различными неудачами, причинившими дирекціи непріятности. Началось съ того, что многіе артисты и музыканты отказались отъ участія, подъ различными предлогами. Кое-какъ удалось ихъ замѣнить другими, но при спускѣ «глуара» съ Аполлономъ и музами, «глуаръ» не пошелъ. Рѣшили перерубить канатъ, отъ чего «глуаръ» съ шумомъ упалъ сразу на 1½ аршина, и находившіеся на немъ хористки подняли крикъ, донесшійся къ зрителямъ. Среди публики произошелъ беспорядокъ. Слѣдствіемъ было установлено, что остановка «глуара» произошла отъ того, что гири въ проходѣ оказались неизвѣстно кѣмъ положенными на ребро, а изъ прохода былъ вынутъ клинъ. Комитетъ, журналомъ 18 сентября, постановилъ:

«Такъ какъ замѣчено, что вкравшимися беспорядками многіе артисты отстраняются отъ исполненія своихъ обязанностей, но разнымъ несправедливымъ отзывамъ, а также подъ предлогомъ болѣзни. Таковое нерадѣніе къ службѣ, будучи нетерпимо въ каждомъ партыкулярно устроенномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе несовмѣстно съ званіемъ артиста, удостоеннаго принятіемъ на службу въ Императорское заведеніе, а потому заслуживаетъ вниманія начальства къ отпращенію онаго. На сей конецъ предписать завести книгу подъ названіемъ *черной*, для внесенія въ оную всѣхъ противозаконныхъ поступковъ артистовъ, какъ-то: уклоненіе по капризамъ или лѣнности отъ исполненія своихъ должностей, ослушаніе приказаній начальства, неприличное поведеніе и проч. Сія книга будетъ служить, на основаніи нынѣ существующаго постановленія, къ соображенію при представленіяхъ артистовъ, по выслугѣ узаконеннаго срока на пенсіонъ, къ восподданѣйшему докладу Государю Императору, для удостоенія Высочайшей милости, распространяющей на всю жизнь артиста, и также для временныхъ наградъ отъ дирекціи. Какъ изъ произведеннаго конторою слѣдствія видно, что крикъ бывшихъ на «глуарѣ» хористокъ произошелъ отъ предполагаемой ими опасности, которой не могло быть, въ чемъ онѣ могли быть увѣрены, чрезъ бывшія неоднократныя репетиціи, однако же на сей разъ комитетъ имъ сіе прощаетъ, по причинѣ случившагося беспорядка по машинной части, но съ тѣмъ, чтобы онѣ впредь были осторожнѣе и напрасно дѣтскимъ страхомъ не нарушали бы спокойствія публики. Отказавшихся отъ игранія въ концертѣ, данномъ въ особой комнатѣ въ день маскарада, артистовъ: Бема, трехъ братьевъ Бендеровъ, двухъ Гугелей, Мейнгардта, обязанныхъ по заключеннымъ съ ними контрактамъ играть въ концертахъ, дирекціею даваемыхъ, призвать въ присутствіе конторы и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, съ тѣмъ, что буде впредь подобное уклоненіе отъ должности отъ нихъ произойдетъ, то оное внесено будетъ въ вышеучрежденную черную книгу; наиболѣе же подтвердить г. Бему, который имѣетъ токмо обязанность играть въ концертахъ и соло, что столь рѣдко бываетъ, и потому объявить ему, что впредь за подобный его поступокъ контрактъ съ нимъ будетъ уничтоженъ.

Бывшихъ на всѣхъ репетиціяхъ балета, для маскарада приготовляемаго и въ день онаго отказавшихся подъ предлогомъ болѣзни: г. Гольца, г-жѣ Азаревичу (большую), Телешову (младшую), Люстихъ и Ландеръ имѣтъ на замѣчаніи, тѣмъ болѣе, какъ извѣстно, что показываемая болѣзнь ихъ не препятствовала инымъ изъ нихъ выходить изъ дома. За отличное сыграніе во время маскарада на комнатномъ театрѣ піесы: «*Молодые супруги*», гг. Сосницкому, Борецкому и г-жѣ Дюровой объявить отъ имени комитета совершенную благодарность. Отличившемуся готовностью къ исполненію возложенной въ день маскарада роли актеру Климовскому вручить часы съ надписью: «*за усердіе къ службѣ*». Музыкантамъ: солисту скрипачу Рамазанову, за отличное играніе въ день маскарада и замѣченное начальствомъ хорошее поведеніе, вручить часы же, съ надписью: «*за усилья и добронравіе*»; гобоисту Перфильеву, по отличному таланту его, сдѣлать подарокъ, сообразно нуждамъ его, подтвердивъ ему поправиться въ поведеніи, дабы впредь могъ онъ удостоиться болѣе отличной награды. Танцовавшимъ въ день маскарада: г. Шелихову, г-жамъ Зубовой, Реутовой, Овощниковой и Селезневой, за оказанное ими усердіе, предоставить конторѣ

сдѣлать имъ подарки. Во избѣжаніе остановокъ по репертуарной части отъ дѣйствительныхъ болѣзней, распорядиться къ становленію по всѣмъ ролямъ дублеровъ, о каковыхъ составить немедленно списокъ и представить оный на утвержденіе въ комитетъ и наконецъ о больныхъ представлять въ комитетъ списокъ съ отмѣткою, кѣмъ оныя изъ состоящихъ въ службѣ дирекціи медицинскихъ чиновниковъ и когда были именно свидѣтельствованы.

Подписалъ: графъ Кутайсовъ.

Въ сезонъ 1826—1827 г.г., кромѣ комедіи Хмѣльницкаго «*Свѣтскій случай*», не было ни одной оригинальной піесы, которая осталась-бы въ репертуарѣ, хотя къ числу таковыхъ принадлежали: комедіи—П. А. Катенина «*Говоритъ правду—потеряетъ дружбу*»; Б. Федорова «*Ротмистръ Громиловъ*» и А. Иванова «*Маленькая сестрица*». По части же переводныхъ назовемъ: «*Обманъ въ пользу любви*», соч. Мариво, и «*Недовѣрчивый*»; та и другая переведены были Катенинымъ, а также первые литературные труды В. А. Каратыгина «*Біанка и Гвиснардъ*», «*Женатый философъ*» и «*Двое за четверыхъ*», стихи которыхъ были очень гладки. Комитетъ, управлявшій театромъ, совмѣстно съ директоромъ, разсматривалъ и піесы *) и, «*находя переведенную г. Каратыгинымъ комедію, приносящую честь русскому репертуару*», постановилъ «*изъявить г. переводчику свою благодарность за трудъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ назначить на основаніи существующаго постановленія, слѣдующее за оную награжденіе, т. е. предоставить ему сборъ со второго представленія, за вычетомъ дневныхъ расходовъ*».

Курьезно и слѣдующее обстоятельство, сопровождавшее постановку переводной драмы «*Огненная палата или ужасный убійца*» («*La chambre ardente*»), назначенную въ 1826 г., для бенефиса Величина. По прочтеніи піесы и «*внимательномъ разсмотрѣніи оной*», директоръ театровъ пришелъ къ заключенію, что она могла бы быть одобрена къ представленію, если бы можно было усмотрѣть цѣль, съ которою эта піеса написана. Вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ директоръ представилъ въ комитетъ и «*надлежащую выписку сюжета и слога драмы*», а равно свои соображенія относительно монтровки, такъ какъ постановка требовала затраты, но въ то же время обѣщала и сборы. Комитетъ, послѣ неоднократныхъ разсужденій, постановилъ предложить переводчику, «*хотя въ небольшой тирадѣ, въ самомъ концѣ піесы, сдѣлать добавленіе для обнаруженія цѣли піесы*». На что переводчикъ согласился и драма къ обоюдному удовольствію дирекціи и бенефицианта явилась на сценѣ.

Новыхъ оперъ не было поставлено, а изъ старыхъ чаще всего давались: «*Волебный стрѣлокъ*» **) и «*Жанъ Парижскій*».

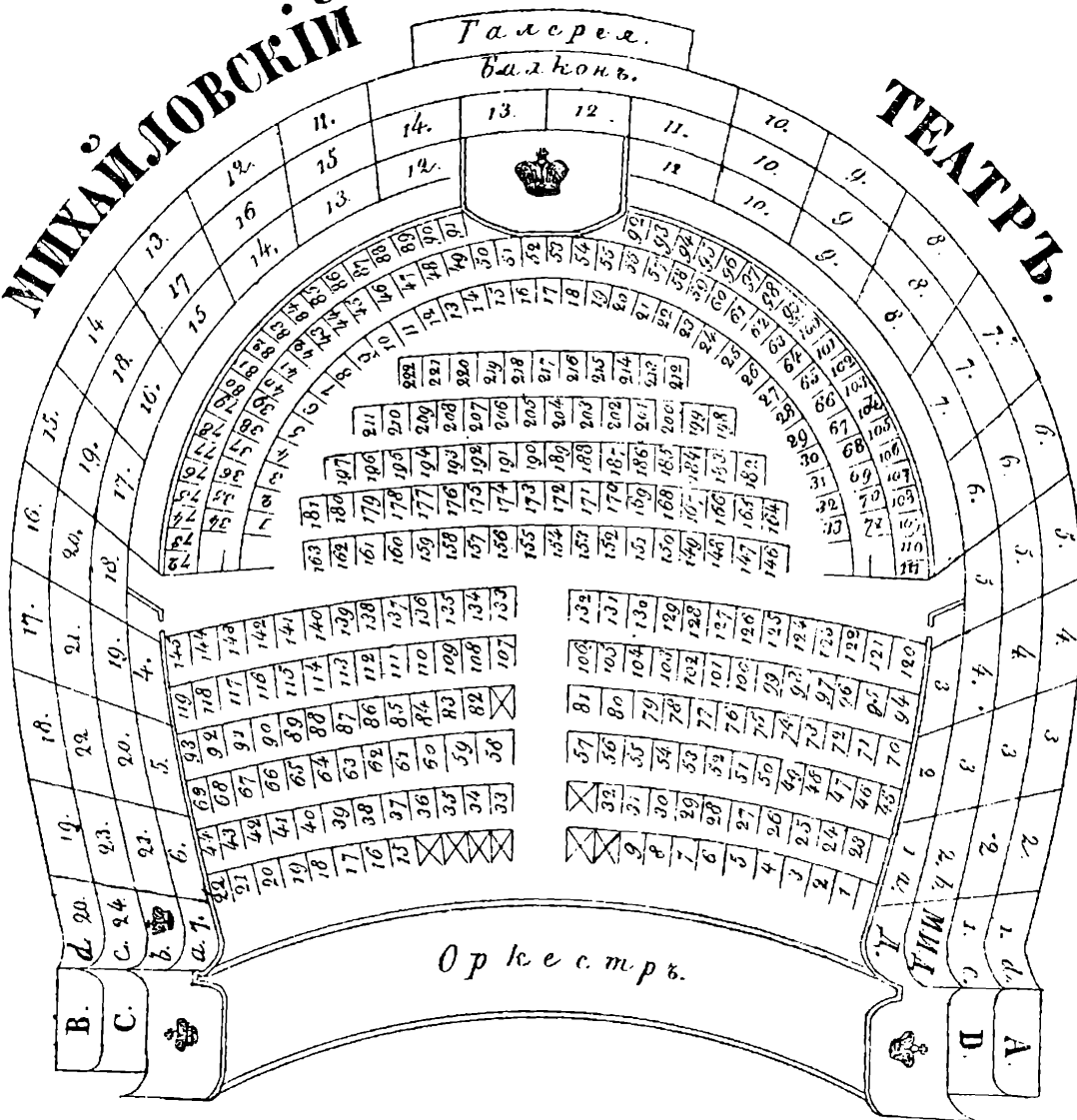
Отмѣтимъ важный еще фактъ въ развитіи русской драмы, именно что Пушкинъ, въ бытность свою въ Москвѣ, съ 8 сентября по 20 ноября 1826 г., читалъ своего «*Бориса Годунова*» у С. А. Соболевскаго, а потомъ у Д. В. Веневитинова.

*) Въ апрѣлѣ 1826 г., нѣкто Оляпъ представилъ въ дирекцію романтическую трагедію, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ «*Корсаръ*», передѣланную изъ поэмы того же названія, соч. Байрона, но комитетъ ее ввѣржалъ.

**) Для постановки этой оперы дирекція чрезъ актера вѣмецкой труппы Барлова (въ собраніи гравюръ Эрмитажа есть его портретъ) вошла въ соглашеніе съ декораторомъ Оригономъ, жившимъ въ Дрезденѣ, и приобрѣла рисунки для всей оперы по 5 саксонскихъ талеровъ за листъ, что составило расходъ менѣе 100 рублей.

МИХАЙЛОВСКИЙ

ТЕАТРЪ.

Цѣна мѣстамъ:

	Франц.	Русск.	Нѣмецк.
Ложа бенуаръ	5 р.	6 р.	5 р.
» бель-этажа	9 »	6 »	6 »
» 1-го яруса	6 »	5 »	4 » 50 к.
» » литер.	10 »	9 »	8 » » »
» 2-го »	5 »	4 »	3 » » »
» » »	8 »	7 »	6 » » »
Кресла перв. тр. рядовъ	2 » 20 к.	1 » 40 к.	1 » 40 »
» прочихъ рядовъ	1 » 50 »	1 » 40 »	1 » » »
Мѣста за креслами	1 » » »	1 » » »	75 »
Балконъ	1 » » »	1 » » »	50 »
Галлерей	35 »	25 »	25 »

При чтеніи у перваго присутствовали Чаадаевъ, гр. М. Вьельгорскій и Н. Кирѣевскій. Второе чтеніе у Веневитинова происходило 12 сентября при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ. Погодинъ говоритъ: «мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французской декламаціей... Первыя явленія выслушаны были тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной» — мы просто всѣ, какъ обезпамятали... Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, то вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ восклицаній»...

Однако сторонники романтической поэзіи того времени никакъ не могли освоиться съ простотою и объективностью «*Бориса Годунова*». Катенинъ писалъ: «На театръ онъ нейдетъ, поэмой его назвать нельзя, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ; для котораго изъ чувствъ человѣческихъ онъ имѣетъ цѣлу или достоинство? Кому будетъ охота его читать, когда пройдетъ первое любопытство?»

Пушкинъ отлично зналъ вкусъ своихъ современниковъ и 20 ноября 1825 г. къ А. А. Бестужеву писалъ:

«Важная вещь! я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то, даже Кюхельбекеръ вретъ».

А Кюхельбекеръ позже въ дневникѣ (16 апрѣля 1835 г.) своемъ замѣчалъ: «*Торквато Тассо*» Кукольника лучшая трагедія на русскомъ языкѣ, не исключая и Годунова Пушкина... который холоденъ, слишкомъ отзывается подражаніемъ Шекспиру, и слишкомъ чуждъ того самозабвенія, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи».

Въ началѣ 1827 г., на театрѣ Эрмитажа, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ къ представленію балетъ «*Зефиръ и Флора*». Надо было сдѣлать исправленія по механической части, почему механикъ Тибо представилъ смѣту на 17.800 руб. Членъ комитета гр. Кутайсовъ, ревизовавшій механическую часть въ это время во всѣхъ театрахъ, написалъ по поводу Тибо слѣдующее:

«Я нашелъ смѣты ни съ чѣмъ несообразными и столь темными, что не могъ никакъ рѣшиться приступить къ работѣ, не спрося совѣта людей, имѣющихъ свѣдѣнія по механической части. Обратясь по сему предмету къ полковнику Рокуру и убѣдивъ его принять на себя трудъ разсмотрѣть смѣты, представленныя Тибо, и самую механику театровъ, честь имѣю представить комитету на первый случай сдѣланную г. Рокуромъ смѣту механики по Эрмитажному театру, и имѣю поводъ мыслить, что если комитету угодно будетъ производить означенныя работы подъ надзоромъ г. Рокура, то мы безъ сомнѣнія удостовѣримся симъ опытомъ, сколь механическая часть была по сіе время дурно устроена, и до какой степени большія издержки по оной зави-

слили или отъ невѣжества, или чаще отъ употребленія во зло даваемой машинистамъ довѣренности отъ начальства».

Смѣта Рокура на устройство исчислена была всего въ 5.012 руб. Комитетъ, 23 октября 1826 г., постановилъ просить гр. Кутайсова склонить Рокура къ принятію надзора за производствомъ работъ, которыя, вмѣстѣ со смѣтою его, комитетъ и утвердилъ. Рокуръ согласился и работы начались; но вскорѣ Рокуръ заболѣлъ и отъ работъ отказался. Въ мартѣ 1827 г. работы были кончены и въ итогѣ, къ всеобщему удивленію, обошлись въ суммѣ почти 20.000 руб.

Отмѣтимъ также, что въ первой четверти XIX вѣка билеты въ театрахъ поступали въ кассу въ 7 часовъ утра въ день спектакля и продавались всего на одинъ вечеръ этого дня. Съ 1826 г. этотъ порядокъ впервые былъ измѣненъ и продажа билетовъ была допущена впредь наканунѣ съ 7^{1/2} часовъ вечера, по прекращеніи вечерней продажи того дня. Для этой мѣры послужило слѣдующее соображеніе дирекціи:

«Неоднократные случаи давали возможность убѣдиться, что дирекція отъ прежняго обыкновенія лишилась нѣкотораго числа посѣтителей, а слѣдовательно и сборовъ, такъ какъ большая часть холостыхъ людей рѣдко имѣетъ слугъ, коихъ могла бы посылать рано по утрамъ въ театры за билетами, а обязанные лица службою не могутъ сами за ними ходить. Посылаемые слуги часто изъ лѣности или вовсе не достаютъ билетовъ, или достаютъ дурные или даже, какъ случалось, передаютъ оные другимъ, не получившимъ—за двойную цѣну, а отъ сихъ неудобствъ рождались жалобы, неудовольствія и даже охлажденіе публики къ спектаклямъ».

1-го марта 1827 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о составленіи итальянской труппы, и выборъ артистовъ «въ чужихъ краяхъ», какъ тогда говорили, былъ порученъ графу Михаилу Юрьевичу Вьельгорскому. На содержаніе этой труппы назначено было, въ добавокъ къ доходамъ дирекціи, еще 64.940 руб. въ годъ изъ Кабинета Его Величества. Составъ труппы, сформированный Вьельгорскимъ, оказался очень хорошимъ. Цѣны мѣстамъ не были возвышены, т. е. были обыкновенными, какъ и при русскихъ спектакляхъ. На первый годъ почти всѣ мѣста въ театрѣ были абонированы и публика осталась совершенно довольна. На слѣдующій годъ сборъ былъ слабѣе, а на третій онъ совершенно упалъ, и вниманіе къ итальянской оперѣ значительно охладѣло.

24-го апрѣля 1827 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на постройку лѣтняго театра на Каменномъ островѣ въ Петербургѣ, для чего былъ разрѣшенъ отпускъ заимообразно 40.000 руб. изъ Департамента Удѣловъ. Этотъ театръ, построенный архитекторомъ Шустовымъ въ три мѣсяца и уцѣлѣвшій до настоящихъ дней, былъ открытъ 25 іюня 1827 г., въ день рожденія Императора Николая I, піевою кн. Шаховского «*Казакъ стихотворецъ*» и «*Двое за четверыхъ*» В. Каратыгина. Тогда на дачахъ Каменнаго острова проживали аристократы и потому театръ въ этой мѣстности былъ необходимъ. Другой театръ въ городѣ «Семіоновскій», близъ Семіоновскаго моста, былъ построенъ въ томъ же году и отданъ въ паймы содержателю цирка Турніеру. Представленія начались въ немъ 11 декабря 1827 г. Послѣ Турніера этотъ театръ занялъ Кіарини, дававшій великолѣпныя пантомимы; въ 1847 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго содержаніе конныхъ представленій въ циркѣ въ Петербургѣ перешло въ вѣдѣніе дирекціи Императорскихъ театровъ, но объ этомъ скажемъ далѣе подробно.